

КОНКУРС ДИПЛОМНЫХ РАБОТ-2012

В 2012 г. на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и в его филиалах в Ташкенте и Севастополе был проведен очередной ежегодный конкурс дипломных работ.

Победителями конкурса признаны: *Л.Р. Хазиахмедова* (1-е место), *С.С. Орбелян* (2-е место), *С.М. Паршина* (2-е место), *А.И. Горбунова* (Ташкент) (3-е место), *А.И. Данилова* (3-е место).

Специальными дипломами конкурса отмечены: *Е.А. Назарова* «За практическую значимость исследования»; *Е.С. Путрик* «За культуру научного исследования»; *М.К. Рыбникова* «За вклад в развитие отечественной психодиагностики»; *Е.В. Чурилина* «За развитие традиций научных школ Московского университета».

Ниже публикуются авторские аннотации лучших дипломных работ, выполненных на ф-те психологии МГУ в 2012 г. Материал подготовили *Т.А. Нежнова* и *Н.Н. Поскребишева*.

А. И. Горбунова

Детерминанты этнической и религиозной идентичности в мультикультурной среде

Научный руководитель — О. В. Митина

Цель работы — выявление личностных детерминант видов социальной идентичности, выделенных на основе анализа взаимодействия факторов «Степень вовлеченности в свою группу» и «Степень толерантности к представителям чужих групп».

В качестве теоретической основы работы выступили концепция *Personality System Interactions (PSSI)* Ю. Куля и трехчастная модель общения Г.М. Андреевой, предполагающая выделение коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон этого процесса.

Предмет исследования — система личностных детерминант этнического и религиозного типов социальной идентичности.

Методики. Тест контроля действия «Хакемп-24» (*Action Control Scale; Накемп*) Ю. Куля в русскоязычной адаптации И.А. Васильева, О.В. Митиной, С.А. Шапкина; Шкала макиавеллизма (MACH-IV) Р. Кристи и Ф. Гейс в адаптации В.В. Знакова; Опросник личностных стилей *PSSI* Ю. Куля в русскоязычной адаптации О.В. Митиной и А.В. Бердникова; Авторская методика, построенная по принципу опросника множественных идентификаций и составленная на основе цитат, отражающих ценности разных (религиозных и светских) идеологических систем.

Обследованы представители разных национальностей (русские, узбеки, татары, корейцы) и конфессий (православие, ислам) — всего 189 респондентов (122 женщины и 67 мужчин) в возрасте от 14 до 72 лет.

Выводы

1. Ориентация на действие в ситуации неудачи и макиавеллизм являются детерминантами видов социальной идентичности, образованных путем пересечения факторов «Степень вовлеченности в свою группу» и «Степень толерантности по отношению к чужим»;

2. Субъекты, проявляющие большую толерантность к представителям чужой социальной группы при оценивании их по критерию «Принятие/отрицание религиозной веры», обладают большей выраженностью ориентации на действие в ситуации неудачи и меньшим макиавеллизмом.

3. При оценивании своей и чужих социальных групп по критерию «Принятие/отрицание религиозной веры» более вовлеченные в свою группу субъекты обладают более выраженной ориентацией на действие в ситуации неудачи (эта закономерность справедлива лишь для толерантных людей; интолерантные субъекты обладают одинаково низкими показателями саморегуляции вне зависимости от степени вовлеченности в свою группу).

А. И. Данилова

Влияние нагрузки на рабочую память пользователя на эффективность навигации в меню мобильных устройств

Научный руководитель — Б. Б. Величковский

Цель — изучение влияния нагрузки на рабочую память на эффективность навигации в меню мобильных устройств.

Задачи: 1. Анализ понятий «пользовательский интерфейс», «меню вычислительных устройств», «навигация в меню устройств», «рабочая память», «нагрузка на рабочую память»; 2. Разработка принципов проектирования меню мобильных устройств в соответствии с их структурными особенностями; 3. Анализ структур меню существующего мобильного устройства и их трансформация с целью снижения нагрузки на рабочую память пользователя; 4. Проведение эмпирического исследования, направленного на сравнение эффективности навигации в меню проанализированного мобильного устройства и в его трансформированной версии, с целью демонстрации влияния нагрузки на рабочую память пользователя на эффективность навигации в меню мобильных устройств.

Гипотезы: 1. Навигация в трансформированных структурах меню осуществляется эффективнее, чем в оригинальных структурах. 2. Необходимость выполнять дополнительную задачу наряду с задачей навигации, увеличивающая нагрузку на рабочую память, снижает эффективность навигации в трансформированных струк-

турах меню в меньшей степени, чем в оригинальных структурах меню. 3. При увеличении нагрузки на рабочую память пользователя и расстояния до целевой команды навигация осуществляется эффективнее в трансформированных структурах меню по сравнению с оригинальными меню.

Методика и испытуемые. Был разработан эксперимент, в котором задания предъявлялись с помощью компьютерной программы, представляющей испытуемому модель мобильного устройства с рабочими кнопками и задание, которое необходимо выполнить. Были проведены 6 серий эксперимента: 2 серии для оригинальных структур меню и 4 серии для трансформированных. Серии эксперимента отличались друг от друга наличием или отсутствием дополнительной задачи, которая увеличивала нагрузку на рабочую память пользователя. Половина испытуемых начинала эксперимент с серии без дополнительной нагрузки на рабочую память, другая часть — с серии с нагрузкой. Таким образом, были образованы 4 группы испытуемых, каждая из которых состояла из 2 человек. 5-я и 6-я серии были проведены с использованием новых меню. В них принимали участие 4 человека — по одному из каждой группы.

Результаты

1. Различные структуры меню по-разному эффективны в зависимости от уровня нагрузки на рабочую память и расстояния до необходимой функции.

2. Изменения в структуре меню, проведенные в соответствии с выделенными особенностями структур меню, влияющими на увеличение нагрузки на рабочую память, способствуют повышению эффективности навигации в меню.

3. При увеличении нагрузки на рабочую память пользователя эффективность навигации снижается в обеих версиях меню, но это более выражено в оригинальных структурах меню мобильных устройств.

4. С увеличением расстояния эффективность навигации снижается, однако в трансформированной версии меню это ухудшение выражено слабее, чем в оригинальных структурах меню.

Е. А. Назарова

Особенности телесного опыта в контексте переживаний психотравматических ситуаций

Научный руководитель — Г.А. Арина

В работе сделана попытка применения культурно-исторического подхода к изучению феноменологии телесности в контексте переживания психотравмирующего опыта.

Выдвинуто предположение, что телесный опыт у здоровых людей является частью переживания психотравматических ситуаций, а телесность встроена в переживание психотравмы.

Методики: опросник травматических ситуаций (*Life Experience Questionnaire, LEQ*); «Миссисипская шкала» (гражданский вариант); «Классификация дескрипторов соматических ощущений» (КДСО) в разработке Г.А. Ариной; «Шкала вегетативной перцепции» (ШВП) в модификации Г.А. Ариной); «Исследование уровня тревожности» Спилбергера—Ханина; «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-20); «Индекс жизненного стиля» (*Life Style Index, LSI*).

Обследовано 50 человек (21 женщина и 29 мужчин) в возрасте 30—50 лет (30—40 лет — 24 чел.; 40—50 лет — 26 чел.). Из них 38 с высшим образованием, 12 со средним специальным. Все испытуемые соматически здоровы, т.е. не имеют подтвержденного медицинского диагноза.

Результаты

1. Установлено, что в рамках выборки здоровых людей существуют разные варианты организации воспоминаний о психотравматических ситуациях, качественно отличающиеся по параметру интенсивности. Обнаружена важная роль активности самого субъекта в процессе нового смыслопорождения в отношении психотравматических переживаний.

2. Выявлено, что субъективно более высоко оцениваемая интенсивность всего полученного опыта по переживанию психотравмы соответствует более высокому уровню проявления актуальной симптоматики ПТСР.

3. Обнаружено, что фактор удаленности по времени и тип самих ситуаций не оказывают существенного влияния на степень выраженности признака интенсивности в переживании подобного опыта. Доказано, что «пик травматических воспоминаний» по числу воспроизводимых событий, а также по степени интенсивности их переживания относится к возрасту 22—30 лет.

4. Подтвердилась гипотеза о том, что телесный опыт у здоровых людей является частью переживания психотравматических ситуаций, телесность встроена в переживание психотравмы. Выявлена взаимосвязь между особенностями организации телесного опыта и переживанием психотравмы. У здоровых людей происходит встраивание переживаний психотравмы в телесный опыт за счет увеличения числа болевых ощущений в переживании психотравмы, наращивания симптомов вегетативного дискомфорта и неблагополучия, расширения числа негативных дескрипторов соматических ощущений. За счет включения в организацию телесного опыта сама травма может становиться частью патологического симптомогенеза.

5. Выдвинуто предположение, что взаимосвязь переживаний психотравмы и телесный опыт носят характер патогенетического

круга, в рамках которого память о травме меняет телесный опыт, а измененный телесный опыт в свою очередь влияет на интенсивность и травматичность как воспоминаний прошлого, так и актуальных переживаний травмы.

С. С. Орбелян

Личностные предикторы одиночества

Научный руководитель — Е. И. Шлягина

Проблема одиночества приобретает особую остроту и актуальность в условиях жизни в современном мире, характеризующемся отсутствием доверительного и подлинного общения, широким распространением виртуальной коммуникации, быстрым темпом жизни, необходимостью ежедневно поддерживать вынужденные контакты с большим числом людей и т.д.

Гипотеза: существует различие в переживании субъектом чувства одиночества в зависимости от выраженности его личностных характеристик.

Методики: диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной; личностный опросник Айзенка (*EPI*); методика исследования тревожности Спилбергера—Ханина; методика измерения самоотношения (МИС) С.Р. Панталева; «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана; анкетный опросник Г.Р. Шагивалеевой; методика незаконченных предложений (модификация теста Дж. Сакса), включающая два незаконченных предложения «Одиночество — это...», «Изоляция — это...», а также несколько вопросов: «Всегда ли одно предполагает другое? Можете ли Вы описать случаи, когда они встречаются отдельно друг от друга и когда пересекаются?»; «Как Вы считаете, может ли одиночество быть полезным? И если да, то для кого?»; «Изменилось ли Ваше отношение к одиночеству после ознакомления с анкетами? И если да, то как?»; «Испытывали ли Вы сами когда-нибудь одиночество? Если да, то какую оценку Вы могли бы дать состоянию одиночества?»

Обследовано: на 1-м этапе (выявление субъективно одиноких и неодиноких с помощью методики незаконченных предложений и опросной методики Г.Р. Шагивалеевой) — 280 студентов 1-х и 2-х курсов московских вузов, 17—19 лет. На 2-м этапе (основная батарея методик) — 88 испытуемых (35 юношей и 53 девушки) — по 44 субъективно одиноких и неодиноких.

Результаты

1. Обнаружены различия в переживании испытуемыми чувства одиночества в зависимости от выраженности их личностных особенностей.

2. Субъективное осознание себя одиноким или неодиноким тесно связано с объективной ограниченностью связей с окружающими людьми. Однако для некоторых испытуемых характерна неадекватность восприятия своего положения: определение себя как одинокого при отсутствии серьезных на то оснований и наоборот — определение себя как неодинокого при наличии объективных признаков одиночества. Оценка своего состояния зависит больше от когнитивных человека, чем от реального положения дел.

3. Получено соответствие смыслового содержания по проективной методике незаконченных предложений и опросной методике Г.Р. Шагивалеевой.

4. Чувство одиночества по-разному воспринимается в зависимости от личностных особенностей субъекта. Субъективно одинокие люди (группа «А») имеют: а) пониженные показатели по экстраверсии и по всем параметрам самоотношения; б) повышенные показатели тревожности (ситуативной и личностной) и нейротизма. Они чаще прибегают к стратегии избегания (в сравнении с группой «В» — субъективно не одиноким), склонны применять более пассивные способы преодоления одиночества, часто испытывают отчаяние, апатию и равнодушие при столкновении с ним. В качестве последствий одиночества называют ухудшение самооценки и снижение удовлетворенности жизнью.

5. Испытуемые группы «А» более негативно и дифференцированно оценивают свое состояние одиночества. Они видят в нем более глубокие, тяжелые и всеобъемлющие переживания. В их ответах встречается отнесение одиночества к сущностным свойствам человека (т.е. экзистенциальное понимание одиночества).

6. Испытуемые группы «А» видят причинами своего одиночества в большей степени факторы, касающиеся их личности, — отчужденность, собственную отличительность, обособленность, ненужность, внутренние проблемы, дисгармонию. При позитивной оценке одиночества они также видят его основаниями личностные особенности — высокую развитость, богатство внутреннего мира, уникальность.

С. М. Паршина

Нарушение произвольной регуляции психической деятельности при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР)

Научный руководитель — И. В. Плужников

Цель работы — изучение нарушений произвольной регуляции психической деятельности при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР).

Гипотезы: 1. Особенности протекания процессов произвольной регуляции при ОКР имеют отличные качественные и количественные характеристики от таковых в норме. 2. Нарушения психической деятельности и патологические изменения в поведении больных, возникающие в рамках ОКР, имеют в своей основе нарушения произвольной регуляции.

Методики: патопсихологическое обследование; опросники: *Padua Inventory-Washington State University Revision*, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; поведенческая шкала оценки регуляторных функций взрослых (*Behavior Rating Inventory of Executive Functions*); батарея стандартизованных тестов для оценки регуляторных функций (*The Delis-Kaplan Executive Function System, D-KEFS*), в которую входят следующие тесты: «След» (*D-KEFS Trail Making Test*), вербальной беглости (*D-KEFS Verbal Fluency Test*), образной беглости (*D-KEFS Design Fluency Test*), интерференционный тест (*D-KEFS Color-Word Interference Test*), «20 вопросов» (*D-KEFS Twenty Questions Test*), «Башня» (*D-KEFS Tower Test*).

Выборка. Было проведено 2 исследования: в первом приняли участие 285 здоровых испытуемых (в возрасте 18—55 лет), во втором — 20 здоровых испытуемых и 15 с диагнозом ОКР в возрасте 18—55 лет.

Результаты

1. Разработана интегративная клинико-психологическая структурно-функциональная модель произвольной регуляции психической деятельности, состоящая из блоков планирования, программирования, оценки результатов и коррекции. Показана правомерность применения этой модели для объяснения особенностей протекания регуляторных процессов как в норме, так и в патологии.

2. В группе больных ОКР выявлен дефицит следующих процессов произвольной регуляции психической деятельности: 1) *программирования*: неверные представления субъекта о значимых внутренних и внешних условиях деятельности (нарушение звена модели условий), а также неспособность продумывать способы своих действий и поведения в соответствии с поставленной целью (звено программы действий); 2) *оценки результатов*: неадекватность оценки человеком результатов собственной деятельности; 3) *коррекции*: нарушение процессов коррекции сформированных программ; 4) *механизма торможения*: нарушение способности затормозить действие, противостоять ему или вовсе не действовать в ответ на импульс; 5) *механизма переключения*: неспособность субъекта свободно переходить от одного вида активности (задачи, проблемы и т.д.) к другому, нарушение гибкости в решении поставленных задач.

3. С помощью метода синдромного клинико-психологического анализа показана системность в специфике нарушений произволь-

ной регуляции при ОКР, определены компенсаторные межфункциональные связи: относительно сохраненные блоки планирования и инициации компенсируют дефицитарность звеньев модели условий и программы действий, что способствует выполнению того или иного действия.

4. Предпринята попытка описания патопсихологического синдрома ОКР. Основываясь на полученных данных удалось выявить значимую роль нарушений произвольной регуляции в общем синдроме.

Е. С. Путрик

Психологическое благополучие младших подростков из семей с разным социально-экономическим статусом

Научный руководитель — Г. В. Бурменская

Цель — установление различий между детьми из семей с разным социально-экономическим статусом (СЭС) в отношении привязанности к матери, психологического благополучия и мировосприятия.

Гипотеза: дети, растущие в семьях высокого и среднего СЭС, отличаются рядом психологических особенностей.

Методики: Шкала оценки базовых убеждений Р. Яноф-Бульман в сокращенном варианте М.А. Падун и А.В. Котельниковой; подростковый вариант методики «Шкала психологического благополучия» Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко для взрослых; методика Дж. Армсдена (Armsden) и М. Гринберга (Greenberg) “*Inventory of Parent and Peer Attachment, IPPA*” для старших подростков (адаптация Яночкиной); тест на оценку оптимизма/пессимизма М. Шайера (Scheier) и Ч. Карвера (Carver) *LOT-R* (адаптация Паршиной); проективная методика «Незаконченные предложения» (расширенный нами вариант методики для подростков Е. Сурковой).

Обследованы ученики 5-х и 6-х классов московских частных и государственных школ — всего 104 ребенка (47 мальчиков, 57 девочек) в возрасте от 10,5 до 13,5 года.

Результаты

1. Дети из семей среднего СЭС в большинстве своем воспринимают мир более позитивно, чем их сверстники из высокообеспеченных семей: дети из государственных школ (ГШ) в большей степени склонны воспринимать окружающий мир как доброжелательный и справедливый.

2. Ненадежная привязанность детей из частных школ (ЧШ) связана с недоверием к матери, отстраненностью от нее вследствие эмоционального отвержения со стороны родителей.

3. Ненадежная привязанность детей из ГШ чаще всего обусловлена недостатком общения с матерью. Доля детей с ненадежной привязанностью несколько выше в группе детей из ЧШ.

4. Доверительные, близкие отношения с матерью тесно связаны с положительным отношением подростков из ЧШ к самим себе.

5. В группе детей из ГШ доверительные отношения с матерью связаны с большей социальной компетентностью подростка и возможностью строить положительные отношения с другими людьми.

6. Ученики ЧШ более довольны собой и своими достижениями, чем ученики ГШ. Они в большей степени направлены на саморазвитие и считают себя везучими.

М. К. Рыбникова

Психосемантическое исследование личностных черт и компетенций: сходства и различия в факторных структурах

Научный руководитель — А. Г. Шмелев

Задачи исследования: 1. Проверка гипотезы о связи имплицитной структуры личности и структуры компетенций. 2. Разработка методического инструментария (а также пополнение словаря личностных черт). 3. Изучение влияния фактора лексической формы. 4. Изучение и элиминирование влияния фактора последовательности.

Методика. За основу взята методика КСП-393 (расширенная модификация методики А.Г. Шмелева «контрольный список прилагательных-240», дополненная современным лексическим материалом и списком компетенций). Каждый испытуемый оценивал себя по широкому кругу черт и компетенций. Использованы 4 версии методики КСП-393 с целью контроля эффектов последовательности и лексической формы (прилагательные или глагольные выражения). Данное исследование было проведено в качестве интернет-опроса в системе интернет-сервисов *HT-LINE*, разработанной в лаборатории «Гуманитарные технологии» (научный руководитель — А.Г. Шмелев).

Выборка: 1426 респондентов (1012 женщин и 414 мужчин). Средний возраст 31.4 года, стандартное отклонение по показателю «возраст» 11.27.

Результаты

Для проверки гипотезы о единстве имплицитной теории личности и структуры компетенций были проведены факторизации с целью выделения структуры компетенций и реконструкции имплицитной теории личности. Получено два решения — 5- и 10-факторное. Выделенная по формальному критерию 5-факторная структура демонстрировала менее высокую устойчивость (к варьированию

лексической формы и последовательности тестовых заданий), чем построенная 10-факторная структура, которая в дальнейшем показала устойчивость к влиянию факторов лексической формы и последовательности. По своему содержанию факторы, скорее, однородны и могут быть проинтерпретированы с точки зрения концепции Большой пятерки, что позволяет нам привести полученное решение как факт в пользу нашей гипотезы. Однако о полном тождестве черт и компетенций говорить тоже нельзя, так как были выделены и специфичные факторы, содержащие преимущественно то черты, то компетенции.

Очевидно, что черты целесообразно связывать со сферой неформальных межличностных отношений, которые более характерны для семейно-бытового и дружеского общения человека, в то время как компетенции характерны для сферы производственных отношений. Таким образом, мы получили в исследовании сведения об универсальных факторах — таких, которые проявляются в равной мере и в той и в другой сфере, а также о специфических факторах — особенных для каждой из двух указанных сфер.

Перспектива дальнейших этапов исследования видится в применении кластерного анализа и структурного моделирования с целью выявления более устойчивых локальных подмножеств черт и компетенций.

Л. Р. Хазиахмедова

Особенности саморегуляции как фактор организации телесного и эмоционального опыта в младшем школьном возрасте

Научный руководитель — Г. А. Арина

Центральная линия развития в младшем школьном возрасте — становление опосредованности и произвольности высших психических функций. В возрасте 8—9 лет у ребенка начинает формироваться индивидуальный язык *телесного опыта* (ТО), он уже обладает способностью к рефлексии и дифференциации собственных эмоциональных состояний.

Цель работы — исследование особенностей саморегуляции как фактора организации ТО и *эмоционального опыта* (ЭО) в младшем школьном возрасте.

Задачи: 1. Исследовать особенности ТО у детей с разным уровнем развития функций программирования и контроля произвольных форм деятельности. 2. Исследовать особенности ЭО у детей с *дефицитом регуляторных функций* (детей с РД) и детей с *отсутствием*

указанного дефицита (детей с ОД). 3. Сравнить параметры ТО и ЭО с особенностями развития функций программирования и контроля произвольных форм деятельности у детей 8—9 лет.

Гипотеза: процесс развития представлений о собственном теле, ТО, ЭО и невербальное поведение зависят от навыков саморегуляции, в частности программирования и контроля произвольных форм деятельности.

Методики. 1. Анализ поведения и учебной деятельности учащихся; 2. Батарея тестов для обследования функций программирования и контроля произвольных действий (Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой); 3. «Классификация дескрипторов соматических ощущений» (Г.А. Ариной); 4. «Метод цветowych выборов» (М. Люшера в адаптации Л.Н. Собчик); 5. Модификация методики «Цветовой тест отношений» (Г.А. Ариной); 6. Ценностная структура образа тела (С. Фишера в адаптации Е.Т. Соколовой.); 7. «Методика свободного описания поз и жестов» (Г.А. Ариной). 8. Статистические методы обработки.

Обследованы психически и психосоматически здоровые дети в возрасте 8—9 лет, успешно адаптированные к школе, в количестве 54 человек. По данным нейропсихологического исследования было выделено 40 детей. В дальнейшем группа была разделена на 2 подгруппы по 20 человек: дети с выраженным РД и дети с ОД (по 10 мальчиков и девочек в каждой).

Результаты

1. В организации и содержании ТО детей с РД и детей с ОД обнаружены различия. Для детей с РД характерен больший (по сравнению с детьми с ОД) объем знакомых болевых ощущений, они структурируют ТО и БО преимущественно на основе эмоционального компонента. Эти дети часто воспринимают ТО и БО как неподдающийся контролю с их стороны, ТО (и БО, связанный с головой) окрашен в большей степени отрицательными эмоциями. Дети с ОД опираются на эмоциональное отношение к телесным феноменам, выделяют в БО динамический аспект. При описании ТО дети с РД опираются на более раннюю категорию размера, тогда как дети с ОД используют более поздние категории, отражающие интенсивность и динамический аспект. У детей с РД отсутствуют приоритетные локусы болевых ощущений. 2. В эмоциональном отношении к телу и его частям также обнаружены различия. 3. Особенности эмоциональной сферы детей с РД является ощущение напряжения, вызванное лабильностью, неустойчивостью к воздействиям различного рода. Распознавание собственных эмоциональных проявлений и чувств другого человека у детей с ОД происходит в большей степени с опорой на личностные качества, чем у детей с РД. Способность к интерпретации поз и жестов другого человека снижена у детей с РД по сравнению с детьми с ОД.

Е. В. Чурилина

**Психофизиологический анализ восприятия
размеров зрительных объектов: векторный подход**

Научный руководитель — А. А. Кисельников

Детекция таких простых признаков объекта, как ориентация линий, яркость, цвет, в зрительной системе была изучена и описана сферической моделью различения академиком Е.Н. Соколовым и его учеником Ч.А. Измайловым. В данной работе проводится исследование последнего и до сих пор не изученного базового модуля зрительного кодирования — размера простых зрительных стимулов.

Гипотеза: различение размера зрительных стимула идет по классическому сферическому механизму, описанному Е.Н. Соколовым и Ч.А. Измайловым.

Методики. Экспериментальный дизайн состоял из трех серий — психофизической (многомерное шкалирование + прямое шкалирование), поведенческой (запись времени реакции на мгновенную замену), психофизиологической (запись вызванного потенциала на мгновенную замену).

Испытуемые — 19 студентов, аспирантов и выпускников МГУ имени М.В. Ломоносова в возрасте 18—30 лет.

Выводы

Можно предложить две альтернативные психофизиологические модели восприятия размера зрительных объектов — одноканальный модуль и двухканальный модуль.

1. Одноканальный модуль восприятия и различения размера зрительных объектов работает как «кусочно-линейный эстафетный канал», пропорциональный логарифму физической интенсивности стимуляции. Механизм работы этого модуля релевантен ранним идеям Е.Н. Соколова об «эстафете нейронов-преддетекторов», последовательно, по мере возрастания уровня стимуляции, включающихся в процесс ее обработки.

2. Двухканальный модуль восприятия и различения размера зрительных объектов релевантен более поздним идеям Е.Н. Соколова о глобальном сферическом механизме кодирования информации и теоретическому уточнению Ч.А. Измайлова о сферическом двухканальном модуле, лежащем в основе восприятия всех элементарных перцептивных признаков (яркость, хроматичность, ориентация и др.). Полученная нами экспериментальная конфигурация точек — полуокружность в двумерном пространстве — строго совпадает с теоретическим предсказанием, вытекающим из положения об элементарном сферическом двухканальном модуле.